

УДК 93/94

**ОГРАНИЧЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ШАРИАТСКОГО СУДА КАК МЕРА
ПО ИНТЕГРАЦИИ ИНОРОДЦЕВ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО
РЕГИОНА В РОССИЙСКОЕ ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО
(ПО ЖУРНАЛАМ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПО МУСУЛЬМАНСКИМ ДЕЛАМ 1914 г.)**

© Гадел Ринурович ХАСАНШИН

аспирант, отдел новой истории

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

420014, Российская Федерация, г. Казань, Кремль, подъезд 5

E-mail: gadelkhasanshin@gmail.com

Одной из задач внутренней национальной политики Российской империи пореформенного периода являлась интеграция татаро-мусульманского населения в общественно-культурную и правовую жизнь страны. В этих целях правительство рассматривало различные способы воздействия на исламские институты, в том числе на шариатский суд. Для всестороннего изучения данного вопроса в начале века были созданы специальные органы межведомственного взаимодействия – Особые совещания. Целью данного исследования является анализ журналов Особого совещания по мусульманским делам 1914 г., которые раскрывают отношение властей к системе мусульманского судопроизводства, а также содержат конкретные меры по ее реформированию. На основе изученных материалов сделан вывод о том, что для регулирования повседневной жизни мусульман империи использовались как гражданские, так и религиозные законы, наблюдался некий симбиоз норм, способствовавший нормальному функционированию общества. В начале XX века для обеспечения процессов интеграции правительство планировало ограничить сферу влияния шариатских судов и установить в стране единообразие норм материального и процессуального права. В то же время полное исключение шариата из правовой системы не рассматривалось. История функционирования мусульманского суда является ярким примером возможности взаимодействия российского и исламского права в условиях поликонфессионального государства.

Ключевые слова: Особые совещания; шариатский суд; татаро-мусульмане Волго-Уральского региона

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-216-221

С момента присоединения новых земель с мусульманским населением одной из ключевых задач новой власти являлось утверждение на этой территории общероссийского законодательства. Под воздействием времени, аннексии новых территорий, особенностей общественного развития местных народов, внутриведомственного курса правительства на окраинах и в центральных губерниях, где проживали мусульмане, сложились неодинаковые модели и границы применения норм шариата.

Признание ислама одной из «терпимых религий» в империи, по сути, означало и признание шариата как источника права для мусульман страны. Важно отметить, что религиозные и правовые нормы в исламе всегда были неразрывно связаны и затрагивали все сферы жизни деятельности мусульман, выступая в качестве регулятора религиозных, семейных, имущественных и иных отношений. Как отмечал миссионер М.А. Машанов,

мусульманская община – это «миниатюрное государство» со своими законами и обычаями, в котором власть принадлежит старшинам и всему приходу, пользующихся религиозно-нравственным авторитетом [1, с. 13]. Существование параллельного, альтернативного правового поля – шариата – в котором отсутствовал полноценный контроль со стороны правительства, создавало властные полномочия мусульманскому духовенству над прихожанами, что беспокоило имперскую администрацию. Однако власти вынуждены были считаться с местными традициями, поставив во главу угла своей политики сохранение целостности поликонфессионального государства и усиление его могущества.

Следует отметить, что религиозные управления (Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС), Таврическое магометанское духовное правление (ТМДП), Управление Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения, Управле-

ние Закавказского мусульманского духовенства шиитского учения), подчиненные правительству, являлись институтами, которые способствовали регламентации применения норм шариата в российском законодательстве.

Скажем, в Волго-Уральском регионе и Западной Сибири учреждение в 1788 г. ОМДС первоначально с целью формирования группы духовенства, лояльно настроенных по отношению к царскому правительству [2, с. 42], способствовало постепенной имплементации шариата в правовой системе российского государства. Как отмечает И.А. Мухаметзарипов, на примере брачно-семейных, наследственных, имущественных и религиозных отношений имели место быть четыре способа включения шариата в правовую систему страны: 1) применение норм шариата без изменений (например, применение общих правил заключения брака и развода, уплата махра; общих правил определения долей наследников, учреждения вакуфа; осуждение самоубийства, членовредительства и др.); 2) дополнение шариатских норм (обязательное участие имама, ведение метрических записей; обязательность духовных завещаний, документальное оформление дарения, административный контроль за учреждением вакуфов, дополнительные правила совершения паломничества, приведения к присяге и др.); 3) изменение шариатских норм (например, изменение брачного возраста; включение христиан в число наследников после умершего мусульманина, правила погребения, богослужения и др.); 4) запрещение шариатских норм (запрет применения телесных наказаний за прелюбодеяние, мер физического воздействия на жену; запрет на применение процессуальных норм шариата и др.) [3, с. 121, 200]. Таким образом, для регулирования повседневной жизни мусульман империи использовались как гражданские, так и религиозные законы, наблюдался некий симбиоз норм, способствовавший нормальному функционированию общества.

С созданием ОМДС, название которого в переводе на татарский язык звучало как «Махкама-и-шагия Оренбурджыя» (Оренбургский шариатский суд), в его округе постепенно сформировалась специфическая модель мусульманской судебной системы [4, с. 117]. В качестве первой инстанции споры, как и прежде, рассматривались приходским

духовенством, а Духовное собрание официально выступало в качестве апелляционной инстанции. В то же время в случаях, установленных законом, в разрешение ряда мусульманских дел вовлекались и гражданские суды.

В компетенцию ОМДС входило рассмотрение жалоб на решения приходского духовенства по делам: о порядке богослужения, обрядах и исправлении треб; о заключении и расторжении браков; о частной собственности в случае споров, возникающих по завещаниям или при разделе наследственного имущества; о неповиновении детей родителям; о нарушении супружеской верности [5, с. 64].

Ряд дел о расторжении браков ОМДС разрешало в качестве суда первой инстанции: 1) по безвестному отсутствию одного из супругов; 2) за присуждением супруга к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния; 3) магометанок, состоявших в браке с воинскими чинами, совершившими побег со службы, пропавшими на войне без вести и взятыми неприятелем в плен. Так, согласно справке о размерах делопроизводства ОМДС, за 1913 г. было рассмотрено бракоразводных дел – 1691, наследственных – 272, по жалобам на действия духовных лиц – 258, о сооружении, ремонте и перестройке мечетей – 277, об определении духовных лиц – 258, по выдаче удостоверений о наследственных правах – 142 и т. д. [6, с. 56]. На членов собрания ложилась немалая служебная нагрузка, в связи с чем оренбургские муфтии не раз обращались к властям с просьбой о расширении штата собрания.

В соответствии со статистическими данными, приведенными на заседании, в 1913 г. в округе ОМДС числилось 4572276 мусульман, то есть около 25 % последователей ислама империи, 6144 мечети и 12341 лицо духовенства [6, с. 56]. Обширность территории, подведомственной Духовному собранию, и значительное количество населения сказывалось на объемах его деятельности, а также влияло на выполнение судебной функции.

Специфика судопроизводства в ОМДС заключалась в том, что стороны по делу не приезжали в Уфу для непосредственного участия в заседании, а лишь направляли апелляционные жалобы [7, с. 28]. Духовное собрание, в свою очередь, изучив поступив-

шие материалы, направляло их для нового рассмотрения ахуну или другому приходскому имаму или же губернским властям, если разрешение спора не относилось к компетенции собрания. После нового рассмотрения ахуны и имамы направляли в ОМДС отчет, содержащий материалы производства, а также обоснование принятия ими того или иного решения. В случае несогласия сторон с вновь принятым «судебным актом» он подлежал повторной проверке ОМДС и при наличии нарушений норм шариата подлежал отмене с одновременным направлением дела на рассмотрение имаму другого прихода. Постановления же Духовного собрания могли быть обжалованы губернатору, который перенаправлял жалобы для разрешения в Министерство внутренних дел. Таким образом, на практике ОМДС редко самостоятельно разрешало спор [7, с. 28], ограничиваясь изучением законности принятых «судебных» актов, тогда как имамы и ахуны проводили полноценные заседания с непосредственным исследованием доказательств по делу.

Свертывание поля применения шариатских норм в пореформенный период во внутриполитическом курсе правительства явилось одним из сегментов политики интеграции мусульман в общеимперское политико-правовое поле. Религиозные управления стояли «на страже» сохранения установленных норм применения шариата. Прежде всего имперская власть отказалась учреждать во вновь присоединенных территориях не только религиозное управление, но и вовсе признавать местное духовенство, повела наступление на мусульман тех регионов, в которых религиозные управления отсутствовали. Так, казахи в 1868 г. были выведены из духовно-административного ведения ОМДС, и решение семейно-наследственных дел перешло из рук мусульманского духовенства в компетенцию народных судов, решавших дела по адату. В результате не только в Степном крае, но и в Туркестане, областях и округах Кавказского наместничества, не входящих в район Закавказских духовных правлений, бракоразводные дела стали рассматриваться народными судами. «В округах Оренбургского собрания и Таврического духовного правления дела о спорах по завещаниям и по разделу наследственных имуществ всецело сосредоточены в ведении духовенства... в Тур-

кестанской и Степной области магометанское духовенство совершенно устранено от рассмотрения шариатных дел, состоящих в ведении народных судов... в пределах Кавказского наместничества наследственные дела изъяты из ведения магометанского духовенства и подлежат рассмотрению как общих судов, так и специальных... В состав специальных судов при рассмотрении шариатных дел входит кадий, но степень участия кадия в разборе и решении шариатных дел не во всех местностях Кавказа одинакова» отмечалось в 1914 г. [6, с. 161].

В начале XX века правительство попыталось комплексно с привлечением заинтересованных ведомств и даже ученых-востоковедов определить приоритеты этноконфессиональной политики в отношении мусульманских народов и исламских институтов. В частности, были проведен ряд Особых межведомственных совещаний по «мусульманским делам», в которых рассматривались вопросы образования мусульман (1905 г.), организации духовной жизни, противодействия панисламизму и пантюркизму (1910 г.).

В 1914 г. под председательством товарища министра, действительного статского советника И.М. Золотарева было созвано новое совещание, на котором в первую очередь планировалось обсудить устройство управления духовными делами мусульман, порядок замещения магометанских высших и приходских духовных должностей, вопросы строительства мечетей, меры противодействия татаризации и др.

Заседание Особого совещания по мусульманским делам от 12 мая 1914 г. было посвящено в том числе вопросам функционирования мусульманского суда и применения шариата. На заседании приняли участие директор Департамента духовных дел Е.В. Менкин, начальник Азиатской части Главного штаба М.М. Манакин, член Совета министров народного просвещения А.М. Позднеев, вице-директор Департамента полиции К.Д. Каффов, а также Акмолинский, Воронежский, Вятский, Казанский, Оренбургский, Уфимский губернаторы, Таврический вице-губернатор [6, с. 152].

Необходимо отметить, что Совещание рассматривало особенности применения шариата в масштабах всей империи, учитывая порядок деятельности мусульманских судов

в разных регионах страны, о чем свидетельствует и широкий состав участников. Они сравнивали состояние дел на Кавказе, в Крыму, в Степных областях, внимание было уделено и Волго-Уральскому региону. Члены совещания отмечали, что предполагаемая «реорганизация должна производиться в жизнь с известною постепенностью, дабы не вызывать нежелательного недовольства в мусульманской среде, веками свыкшейся с определенным в законе порядком рассмотрения так называемых шариатских дел» [6, с. 160].

Отсутствие единообразия в нормах как материального, так и процессуального права на территории Империи беспокоило членов совещания, полагавших, что «одним из способов надлежащего сплочения разноплеменных и разноверных элементов, входящих в состав известного государства, служит единство правовых норм и суда» [6, с. 160]. В связи с этим предложенные ими меры были направлены на ограничение полномочий мусульманских судов, путем постепенной передачи шариатных дел в ведение гражданских судов. Так, обсуждая полномочия мусульманского духовенства по рассмотрению споров из области семейного права, Совещание отметило, что в компетенцию имамов должны входить дела религиозного характера в непосредственном значении этого понятия. Участники указали, что «дела о расторжении браков могли бы быть изъяты из ведения мусульманского духовенства, так как в сущности брак у мусульман является не таинством, а своеобразным договором, облакаемым в письменную форму и обуславливающий некоторые имущественные взаимоотношения супругов, вытекающие из брачного союза» [6, с. 160].

Кроме того, участники Совещания выразили недовольство профессиональным уровнем имамов, отметив, что «передача мусульманских бракоразводных дел в гражданский суд, не составляя какого-либо посягательства на вероисповедную свободу мусульман, несомненно, способствовала бы объективному беспристрастному рассмотрению дел о разводах, находящихся ныне в руках зачастую невежественных мулл, вызывающих вполне справедливые нарекания заинтересованных лиц» [6, с. 160].

Второй категорией дел, которые Совещание призвало передать в ведение общих

судов, являлись споры о наследстве. В основу данного предложения легло заключение Совета Министров, удостоенное высочайшего утверждения 25 февраля 1913 г. Согласно заключению, дела, подсудные народным судам в Туркестане, передавались в ведение мировых судей, которые при разрешении некоторых категорий дел, в том числе и наследственных, должны были руководствоваться нормами местного обычного права (в случае с магометанами – нормами шариата). Совещание признало желательным распространение такого порядка на все области империи, населенные мусульманами, отметив, что «передача рассмотрения споров по наследствам единственно в ведение гражданского суда способствовала бы постепенному проникновению в мусульманскую среду общих норм нашего гражданского права» [6, с. 164]. Кроме того, Совещание высказалось за упразднение в округе ТМДП должностей кадиев и за повсеместное допущение христиан наследованию в имуществе мусульман, поскольку ранее такой порядок был установлен лишь в отношении наследств, открывающихся после смерти мусульман Тавриды [6, с. 248], хотя по нормам шариата не мусульманам запрещалось наследовать после мусульман, и наоборот [8, с. 31, 32].

Что касается итоговой сводки Совещания, то в нее вошли только предложения в области наследственного права, положение об изъятии бракоразводных дел из ведения мусульманского духовенства было исключено.

Таким образом, анализ документов Совещания свидетельствует о том, что применение шариата было широко распространено на территории империи. Регулирование различных правоотношений среди мусульман осуществлялось как на основе российского, так и исламского права. Разрешение судебных споров возлагалось на религиозные и гражданские суды. Для обеспечения процессов интеграции члены Совещания выступили за ограничение сферы влияния шариатских судов и установление в стране единообразия норм материального и процессуального права. В то же время полное исключение из правовой системы государства шариата, имеющего многовековую практику применения, не рассматривалось.

Рекомендации, разработанные Особым совещанием 1914 г., не нашли законодатель-

ного закрепления: начало Первой мировой войны внесло кардинальные изменения в планы правительства в этой сфере. В результате функционирование шариатского суда в регионах компактного расселения мусульман продолжалось без изменений.

Список литературы

1. *Машианов М.* Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим народам. Казань: Типо-Литография И.С. Перова, 1910.
2. *Байбулатова Л.Ф.* История Оренбургского магометанского духовного собрания в личной и делопроизводственной переписке муфтиев (по своду «Асар» Р. Фахретдина) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2013. № 3. С. 42-54.
3. *Мухаметзарипов И.А.* Особенности функционирования норм шариата в мусульманском сообществе России в конце XVIII – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. 236 с.
4. *Хабутдинов А.Ю.* Религиозное самоуправление и шариатское семейное право в России: опыт Оренбургского магометанского духовного собрания в конце XVIII – первой четверти XIX // Евразия: Духовные традиции народов. М.: Православный институт святого Иоанна Богослова, 2012. № 2. С. 117-123.
5. *Загидуллин И.К.* О религиозно-культурной автономии татар в округе оренбургского магометанского духовного собрания // Ислам в современном мире: внутрисоциальный и международно-политический аспекты. М.: Изд. дом «Медина», 2015. Т. 11. № 3. С. 61-70.
6. *Загидуллин И.К.* Особое Совещание по мусульманским делам 1914 г.: Журналы. Казань: «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2011. 296 с.
7. *Гарипова Р.Р.* Оренбургское магометанское духовное собрание как шариатский суд // Гасырлар авазы. Казань: Главное архивное управление при Кабинете министров Республики Татарстан, 2014. № 3-4. С. 26-31.
8. *Мухин В.Ф.* Очерк магометанского права наследования. Спб., 1898.

References

1. *Mashanov M.* *Sovremennoe sostoyanie tatar-mukhammedan i ikh otnoshenie k drugim inorodtsam* [Modern State of Tatars-Mahomet and their Relation to Other Persons of Foreign Race].

- Kazan, Typo-Litografy of I.S. Perova, 1910. (In Russian).
2. *Baybulatova L.F.* *Istoriya Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya v lichnoy i deloproizvodstvennoy perepiske muftiev (po svodu «Asar» R. Fakhretдина)* [The story of Orenburg Mohammedan Clerical Meeting in personal and paperwork of mufti's correspondence (Asaro code of R. Fakhretдина)]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [From History and Culture of Peoples of Volga Region]. Kazan, Publishing House of S. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2013, no. 3, pp. 42-54. (In Russian).
3. *Mukhametzaripov I.A.* *Osobennosti funktsionirovaniya norm shariata v musul'manskom soobshchestve Rossii v kontse XVIII – nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Peculiarities of Sheria Norms Functioning in the Muslim Community of Russia and the Context of 18th – the Beginning of 20th Centuries. Cand. ist. sci. diss.]. Kazan, 2000, 236 p. (In Russian).
4. *Khabutdinov A.Y.* *Religioznoe samoupravlenie i shariatskoe semeynoe pravo v Rossii: opyt Orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX* [Religious autonomy and Sharia family law in Russia: the experience of Orenburg Mohammedan Clerical Meeting in the context of 18 – the first quarter of 19th century]. *Evraziya: Dukhovnye traditsii narodov* [Eurasia: Spiritual Traditions of the Peoples]. Moscow, Orthodox Institute of St. John the Evangelist Publ., 2012, no. 2, pp. 117-123. (In Russian).
5. *Zagidullin I.K.* *O religiozno-kul'turnoy avtonomii tatar v okruge orenburgskogo magometanskogo dukhovnogo sobraniya* [About religious-cultural autonomy of Tatars in the region of Orenburg Mohammedan Clerical Meeting]. *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyy i mezhdunarodno-politicheskiy aspekty* [Islam in the Modern World: Intrastate and International-Political Aspect]. Moscow, Publishing House “Medina”, 2015, vol. 11, no. 3, pp. 61-70. (In Russian).
6. *Zagidullin I.K.* *Osoboe Soveshchanie po musul'manskim delam 1914 g.: Zhurnaly* [Special Conference in Muslim Affairs 1914. Journals]. Kazan, “Ikhlas”, Publishing House of S. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011, 296 p. (In Russian).
7. *Garipova R.R.* *Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie kak shariatskiy sud* [Orenburg Mohammedan Clerical Meeting as Islamic court]. *Gasyrlar avazy*. Kazan, The Main Archive Direction at the Cabinet of the Ministers of Republic of Tatarstan, 2014, no. 3-4, pp. 26-31. (In Russian).

8. Mukhin V.F. *Ocherk magometanskogo prava nasledovaniya* [The Sketch of Mohammedan Succession]. St. Petersburg, 1898. (In Russian).

Принята в печать 08.08.2017 г.

Received 26 October 2016

Reviewed 29 November 2016

Accepted for press 8 August 2017

Поступила в редакцию 26.10.2016 г.

Отрецензирована 29.11.2016 г.

UDC 93/94

LIMITATION OF SHARIA COURT AUTHORITY AS A MEASURE FOR INTEGRATION OF OUTLANDERS OF VOLGA-URAL REGION IN THE RUSSIAN LEGAL SPACE (IN THE JOURNALS OF SPECIAL MEETINGS IN MUSLIM AFFAIRS OF 1914)

Gadel Rinurovich KHASANSHIN

Post-graduate Student, Modern History Department

S. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

5 Drive, Kreml, Kazan, Russian Federation, 420014

E-mail: gadelkhasanshin@gmail.com

One of the tasks of the internal national policy of the Russian Empire in the post-reform period was the integration of the Tatar-Muslim population into the socio-cultural and legal life of the country. To achieve this goal, the government considered various ways of influencing Islamic institutions, including the Sharia court. For a comprehensive study of this issue at the beginning of the century, special organs (Special Meetings) for interdepartmental interaction were convened. The purpose is to analyze the journals of the Special Meeting on Muslim Affairs of 1914, which reveal the attitude of the authorities to the system of Muslim legal proceedings, and also contain concrete measures for its reform. On the basis of the materials studied, it was concluded that both civil and religious laws were used to regulate the daily life of the Muslims of the empire. There was a certain symbiosis of norms that contributed to the normal functioning of society. At the beginning of the XX century, to ensure the integration processes, the government planned to limit the sphere of influence of the Sharia courts and establish a uniformity of the norms of substantive and procedural law. At the same time the complete exclusion of Sharia from the legal system was not considered. The history of the functioning of the Muslim court is a good example of the possibility of interaction between Russian and Islamic law in a multi-confessional state.

Keywords: special meeting; Sharia court; Tatar-Muslims of the Volga-Ural region

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-216-221

Для цитирования: Хасаншин Г.Р. Ограничение полномочий шариатского суда как мера по интеграции инородцев Волго-Уральского региона в российское правовое пространство (по журналам Особого совещания по мусульманским делам 1914 г.) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 216-221. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-216-221.

For citation: Khasanshin G.R. Ogranichenie polnomochiy shariatskogo suda kak mera po integratsii inorodtsev Volgo-Ural'skogo regiona v rossiyskoe pravovoe prostranstvo (po zhurnalom Osobogo soveshchaniya po musul'manskim delam 1914 g.) [Limitation of Sharia court authority as a measure for integration of outlanders of Volga-Ural region in the Russian legal space (in the journals of Special Meetings in Muslim affairs of 1914)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 216-221. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-216-221. (In Russian, Abstr. in Engl.).